

ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

СВИДАНИЕ

Издательство АСТ
Москва

*Неважно, сколько тебе лет
и какой ты взрослый, всем нужна мама.
Посвящается моей любимой маме*

Как Филин и Киска в зеленом челне
Уплыли, расскажет любой.
Меда подводу и денег колоду
Они захватили с собой.

Филин смотрел на звезду в ночи
И пел серенаду он:
«Ах, Душечка-Киска, ах, Киска моя,
Навеки в тебя я влюблен.
Навеки в тебя,
Навеки в тебя,
Навеки в тебя я влюблен!»

Подруга ему отвечала: «Порыв
Твой пылкий приятен мне!
С тобой под венец пойти наконец
Мечтаю я даже во сне».

И плыли они целый год и день
В страну, где растет бонг-бонг.
Где в темном лесу с колечком в носу
Поросенок играет в маджонг.
С колечком в носу,
С колечком в носу
Поросенок играет в маджонг.

«О Свин разлюбезный, — просили они, —
Продай нам колечко свое!
Жениться нам нужно. Жить будем мы дружно,
Жить дружно мы будем вдвоем».

Свадьбу сыграли, и пир был у них,
Где ели сгущенку одну.
Танцевали они на краю земли
И смотрели ввысь, на луну.
На луну,
На луну,
И смотрели ввысь, на луну* .

Эдвард Лир

---

* Перевод с англ. А. Юшенковой.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Глава 1

Что-то не так.

Понимаю это, как только пробуждаюсь от вязкого, мутного забытья. Понимаю еще до того, как чувствую пульсацию в висках. И дело не в разочаровании, что рядом нет Мэтта, что я больше не живу в собственном доме и меня там не ждут. Голова гудит, в мыслях туман, перед глазами плывет.

Что-то не так.

Пахнет кислым. Запах, который я не сразу узнаю и поначалу решаю, что не одна в постели. Ужасное чувство, будто за мной наблюдают. Не любовно, как делал Мэтт, когда я открывала глаза, а он смотрел на меня, подперев голову рукой, словно я единственная женщина на свете. Мне страшно. По коже бегут мурашки. Зачем только я позволила Крисси и Джулс уговорить себя на свидание? Я не готова и до сих пор лелею крупицу надежды, что мой брак устоит. Всего-навсего в прошлом году мы с Мэттом решили завести ребенка. Воображаемое будущее укутало меня, точно одеяло, уютное и теплое. А потом

Мэтт рывком сорвал мои грезы, и я осталась одна — онемевшая, в ледяном холоде.

Друзья, как и полагается, пришли на помощь и несколько недель назад, за бокалом вина, убедили меня создать профиль в приложении знакомств.

— Я замужем!

— Вы разошлись, — поправила Крисси, и это прозвучало как приговор, хотя ни я, ни Мэтт не заикались о разводе. — Тебе пойдет на пользу. Сидишь тут сиднем! Не трусь, ничего серьезного не предполагается. — Она сверкнула улыбкой. — Развеешься, поужинаешь, выпьешь. Никто тебя ни к чему не принуждает.

— Ага, например, создать профиль... — Я скорчила гримасу.

Джулс тем временем принялась зачитывать домашнюю страницу сайта «Наизнанку».

— «Мы не публикуем фото, пока не получим о человеке подробную информацию. Изнанка у нас чистая и красивая».

Джулс скривилась, точно ее сейчас вырвет, — она тоже мужчинами не интересуется, разъехалась с мужем, как и я.

Крисси разведена. Бог знает почему я слушаю их советы. Все мы потерпели фиаско.

— Господи, это еще хуже, — проворчала я. — А если у парня голова квадратная?

— Когда ты последний раз видела парня с квадратной головой? — рассмеялась

Крисси. — И вообще, я думала, тебе
10   все равно.

— Да, все равно.

Так оно и было. Я машинально прокрутила страницу вниз.

— Что значит ВПЛ? Или ПБС?

Складывалось впечатление, что читаешь меню на незнакомом языке.

— «В поиске любви. Просто будь собой». — Крисси вскрыла пакет чипсов «Доритос», заглядывая мне через плечо. — Народ помешался на сокращениях. Держись подальше от ЖПЭР.

— Это что?

— «Живу на первом этаже у родителей». Посадит на цепь в подвале! — Крисси сняла крышку с банки мексиканского соуса.

— И тогда мы тебя больше не увидим. А раз так, можно я заберу твою сумку «Майкл Корс»? — пошутила Джулс. — Тебе она все равно без пользы.

Это правда. В первое Рождество с Мэттом я изобразила радость, когда потянула за ленту, развернула серебристую бумагу, такую же неестественно жесткую, как моя улыбка, и достала сумку, стоившую больше, чем мой запас продуктов на месяц. Я крепко поцеловала Мэтта, погружаясь в притворство и размышляя, стоит ли сказать ему, почему мне так неловко принимать подарки. Из всех моих секретов этот — далеко не самый страшный.

— Я не могу пойти на свидание, — возразила я, имея в виду «не хочу».

— Ну что такого может случиться? — спросила Крисси, и, прежде чем я нач-

ну перечислять, добавила: — Вдруг встретишь НИЗОЧ?

— Кого-кого? — Я накладывала на торт-лику кусочки помидоров с болгарским перцем.

— Накачаный и загорелый с огромным...

— Угомонись!

Я со смехом наполнила бокалы. Мы устали в телефоны и следующие несколько часов обсуждали, что Энди, тридцати двух лет, «любит встречаться с новыми интересными людьми» («Трахает все, что двигается», — прокомментировала Крисси), а Льюис, тридцати пяти, не указал род занятий («Безработный», — заявила Джульс).

Я чуть дольше обычного изучала профиль мужчины, который любит домашнее жаркое, собак и рыбалку.

— Скучота! — объявила Крисси.

А мне показалось, что он нормальный. Не-страшный. Мысль о свидании с незнакомцем наводила ужас.

— По-моему, он добрый...

Джульс отобрала у меня телефон и послала ответ, хорошо зная, что я этого ни за что не сделаю. Мой новый образ одинокой женщины двадцати восьми лет обрел конкретные очертания.

Сейчас я очень жалею, что она это сделала. Крепко вцепляюсь в одеяло и пытаюсь не шевелиться. Притворяюсь спящей и вслушиваюсь, стараясь уловить движение или дыхание.

Слышу только чириканье птицы за окном, очень громкое чириканье. Сколь-

ко я вчера выпила? Еще никогда так не болела голова. Я была за рулем; думала, если ограничусь лимонадом, то сохраню спокойствие и не наделаю глупостей. Мимолетно задаюсь вопросом, где оставила машину. Около «Призмы»? Все перепуталось. Я выбрала «Призму», решив, что бар в центре города — по крайней мере, очень людное место. Хотя не совсем в моем вкусе. Я бы предпочла сельский паб, но лучше обойтись без намеков на романтику. С трудом сглатываю. Горло саднит, и, когда я надавливаю пальцами на шею, больно, как от синяков.

Несмотря на мягкость древнего матраса, который просел под моей тяжестью, ноет плечо. Легонько трогаю его, ощущая кончиками пальцев шероховатость и липкость. С трудом разлепляю ресницы, которые склеились от туши. Сквозь занавески пробивается солнечный луч, и гостевую комнату в доме Крисси, куда я переехала после расставания с Мэттом, заливают мягкое янтарное сияние.

Я сажусь, и голова у меня словно взрывается. Осторожно касаюсь рукой. Шишка. Я что, упала? Вполне возможно. Я всегда была неуклюжей, так и не научилась толком ходить на каблуках. Бережно трогаю ушиб. Волнами накатывает тошнота, кажется, что я падаю. Быстро опускаю руки, чтобы удержать равновесие, и замечаю...

Они красные!

Поднимаю ладони к глазам, изучаю их, точно вижу впервые, и медленно пе-

реворачиваю. Пальцы в крови, вокруг ногтей запеклась бордовая корка. Наверное, от раны на голове. Неудивительно, что мне так паршиво. Взгляд скользит по запястьям, и я с тревогой обнаруживаю небольшие круглые отметины. Трогаю правое предплечье. Четыре синяка от четырех пальцев? По размеру они крупнее моих, и, перевернув руку, я нахожу еще один, от большого пальца. Меня удерживали силой. Становится страшно. Оглядываюсь, убеждаясь, что я в комнате одна. Почему я ничего не помню?

Откидываю одеяло и опускаю ноги, как будто собираюсь сбежать. Я пошевелилась слишком быстро. Кажется, матрас подо мной колышется. Закрываю глаза и жду, пока пройдет слабость. В голове работает отбойный молоток. Медленно окидываю взглядом комнату, ища среди своих скудных пожитков что-то необычное. Одежда раскидана. Лифчик болтается на ручке платяного шкафа, колготки скомканы под стулом, на котором кучей навалено белье для стирки. В комнате бардак, но это нормально. Никаких признаков посторонних, на соседней подушке нет характерных вмятин. Провожу рукой по простыне. Холодная.

Шарю по тумбочке, куда — независимо от степени подпития — неизменно бросаю телефон. Обычная мешанина: монетки, носовые платки, журнал «Мари Клер», «Самоучитель по свиданиям» из серии «Божья коровка для взрослых», который мне купила

Крисси, — книжка должна была меня повеселить, но кое-какие страницы заставили проливать слезы... А телефона нет. Где сумка? На стуле не вижу. Аккуратно встаю, но даже при моей черепашьей скорости комната кренится, пол уходит из-под ног, я спотыкаюсь и тяжело падаю. Наворачиваются слезы. Сижую, потирая ссадины на коленях.

Тянусь вперед, чтобы собрать вчерашнюю одежду. Теплое зимнее пальто — мокрое и перепачканное. По крайней мере, это объясняет кислый запах. Бутылочно-зеленое платье без бретелек порвано по шву. Кремовый шарф забрызган грязью; перчатки того же цвета исчезли, как и черные туфли-шпильки с серебряными бантами. Раскручиваю колготки — затяжки и дыры. Слезы текут ручьем, я рыдаю навзрыд и не могу остановиться.

Что произошло? Почему я ничего не помню? Вопрос крутится в голове, и я тут же предполагаю худшее. Меня изнасиловал мужчина, с которым я познакомилась через интернет? По-моему, у меня все-таки не было секса, добровольного или принудительного. Я бы чувствовала.

Так ведь?

Этот вопрос ошеломляет. Изнутри поднимается желчь, горло шиплет, рот наполняется слюной. Едва успеваю добежать до ванной и забрызгиваю унитаз рвотой. Малейшее движение отдается болью в голове, мышцы живота сокращаются от спазмов. Наконец худшее позади. Сидя на коленях, вы-